Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

После смерти государя и великого князя Василия Ивановича (4 декабря 1533 года) у нас в России была точно такая же неурядица, как во Франции при Франциске II или в Англии при Эдуарде VI. Именем наследника-младенца управляли царством: сначала его мать, государыня Елена Васильевна Глинская, а после ее смерти – быстро сменявшие друг друга временщики, *бояре-крамольники,* раболепной угодливостью развившие в младенческом сердце будущего Грозного порочные наклонности, своими интригами и злодействами посеявшие в том же сердце ненависть к боярству, впоследствии выразившуюся неслыханными злодействами.

- Кондратий Петрович Биркин
  - Детство и отрочество царя Ивана Васильевича Грозного
- notes
  - 1
  - 2

Кондратий Петрович Биркин
Елена Васильевна Глинская, государыня и великая княгиня, правительница всея Руси.

Детство и отрочество царя Ивана Васильевича Грозного

Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. – Князья Василий и Иван Шуйские. – Князь Иван Вельский. – Глинские

(1533–1547)

После смерти государя и великого князя Василия Ивановича (4 декабря 1533 года) у нас в России была точно такая же неурядица, как во Франции при Франциске II или в Англии при Эдуарде VI. Именем наследника-младенца управляли царством: сначала его мать, государыня Елена Васильевна Глинская, а после ее смерти – быстро сменявшие друг друга временщики, *бояре-крамольники,* раболепной угодливостью развившие в младенческом сердце будущего Грозного порочные наклонности, своими интригами и злодействами посеявшие в том же сердце ненависть к боярству, впоследствии выразившуюся неслыханными злодействами. Гонитель дворян, совмещавший в лице своем должности неумолимого судьи, а подчас и палача, Иван Грозный, подобно Христиану II Датскому и Людовику XI Французскому, был демократ в душе и сочувствовал народу. Простые люди русские отвечали ему взаимностью, доказательством которой служат, во-первых, предания о царе, в которых он является чаще героем, нежели тираном; во-вторых, самое его прозвище – *Грозный,* так верно его характеризующее. Народ уподобил своего царя грозе Божией: она ужасом леденит сердце человека, но в то же время освежает воздух, оживляет растительность, разгоняет гнилостные, удушливые испарения. Так понимал русский народ своего царя Ивана Васильевича, но это уподобление его Божией грозе, при всей своей поэтической красоте, не выдерживает суда потомства. Божий гром, ударяя в жилье, хотя нередко зажигает его, но дождь, неизменный спутник грозы, заливает пожар, напоминая людям пословицу: «где гнев, тут и милость»; грозы же Ивана Васильевича были грозами сухими или сопровождались кровавыми дождями и разливами кровавых рек; они щадили избы простого народа, но никогда не миновали домов боярских, даже церкви Божией в лице мученика митрополита Филиппа. Чтобы добраться до двух-трех крамольников, царь Иван Васильевич истреблял бояр целыми сотнями, из-за одной нечистой овцы резал все стадо, ради истребления одного куста куколя – выжигал целую ниву… Не плахами, не виселицами управляется самодержавие, как это делал Грозный, но милостями и благодеяниями; сила царя всегда

должна быть в любви народной. «Сердце царево в руке Божией, – говорит Писание, – Бог же есть любовь!..»

Царь Иван Васильевич вырос на престоле, наследуя его трех лет после отца; шапку Мономаха держали над ним Елена Глинская и верховная боярская Дума, в которой заседали дяди государевы и двадцать знатнейших бояр. Так по завещанию покойного государя Василия Ивановича было организовано правление царством… Скажем лучше: *должно было быть* организовано, на самом же деле правителями государства были: Елена, дядя ее Михаил Глинский и ее возлюбленный, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Матери царя-младенца своим и его именем предоставлено было решать дела внутренние; Дума решала его именем дела внешние. Не ждал народ русский добра от этих новых порядков, чуя здравым умом и любящим сердцем грядущие распри и неурядицы.

Предав тело Василия Ивановича земле в Архангельском соборе, правители, бояре и духовенство поспешили в Успенский собор, где митрополит благословил младенца-царя властвовать над Россией, отдавая отчет в делах своих единому Богу. Во все пределы царства были разосланы гонцы-чиновники для приведения народа к присяге, принесенной единогласно и единодушно. Однако же стоустая молва предупредила гонцов и разнесла по всем концам Руси, что государыня Елена Васильевна глазами князя Оболенского видит, его ушами слышит, что он не токмо по ней первое лицо, но чуть ли и не повыше ее самой; что князь да сестра его, няня царя и брата его, царевича Юрия, боярыня Аграфена Федоровна Челяднина, всем при дворе управляют и своевольничают, будто чем государыню приворожили… Эта ворожба заключалась в связи князя Ивана Федоровича с правительницей – связи, при которой боярыня-сестрица играла весьма неприличную роль свахи. Эта интрига – явление весьма обыкновенное в западных государствах того времени – у нас на Руси было редкостью, чтобы не сказать небывальщиной. Великие княгини – до Елены Глинской – были в глазах народа образцами целомудрия, стыдливости и всех добродетелей женских; русский народ, не ведая слов Юлия Цезаря о Каль-пурнии, всегда говорил о своих государынях его фразу: «Супруга царя – вне подозрений!» Древние наши государи и цари, до времен Петра Великого, избирали себе супруг из боярских фамилий, но избранницы эти бывали всегда совершенством в физическом и моральном отношениях, однако же дочери великокняжеские и царские за бояр не выходили, а уж и того менее связью с ними себя не позорили. Елену Васильевну, как видно, не удержали от греха ни стыд, ни титул

правительницы, ни имя вдовы государевой: беглая литвинка литвинкой и осталась и вместе с сердцем отдала князю Оболенскому в руки и судьбу сына и почти что державу царскую. Все последующие события были делами этого временщика, фаворита Елены Глинской.

Ровно через неделю по принесении народом присяги (11 декабря) старший дядя государя, князь дмитровский Юрий Иванович, вместе со своими боярами был заточен в темницу, ту самую, в которой при Иване III был задушен или уморен голодом внук его Дмитрий. Почему князь Юрий подвергся опале? Об этом в наших летописях существует два сказания: одно обвиняет, другое оправдывает князя. По первому он на другой же день присяги младенцу-племяннику подсылал дьяка своего, Тишкова, к князю Андрею Шуйскому, чтобы уговорить его перейти к себе на службу и способствовать возведению его на престол. Шуйский донес о том князю Борису Горбатому; тот – Елене, а Елена, созвав боярскую Думу, приказала ей действовать по закону. По другому сказанию, Андрей Шуйский оклеветал Юрия, чуждого всяких честолюбивых замыслов, и это сказание всего вероятнее, так как Андрей Шуйский, заточенный в тюрьму, мог сделать извет на князя Юрия в надежде заслужить милость и прощение… Всего же вернее, дядя государев был помехой Елене и князю Оболенскому и в их самоуправстве, и в нежных отношениях, сделавшихся окончательно чуть не явными. Участь Юрия ужаснула боярскую Думу и возбудила в ней ропот, а в народе жалость. Бывшие с войсками в Серпухове князь Симеон Федорович Бельский и окольничий Иван Лятцкий бежали в Литву и передались Сигизмунду. Следствием этой измены были новые жестокости правительницы: князь Воротынский с сыновьями и брат Симеона Бельского Иван, член верховного совета, были схвачены в Коломне за сообщество будто бы с изменниками, привезены в Москву и посажены в темницы; опала правительницы не пощадила родного ее дядю, Михаила Глинского, и ближнего боярина Михаила Семеновича Воронцова: Глинский был заточен в темницу, Воронцов удален от двора. Эти вельможи были двумя совершенно невинными жертвами, принесенными Еленой Глинской своему князю Оболенскому. Старик дядя не давал ей покоя, укоряя ее постоянно за неприличное поведение, требуя разрыва с фаворитом и удаления его от занимаемых должностей. Страсть заглушила в Елене Глинской чувства родства и уважения к старику дяде: не довольствуясь его заточением, она в угоду Оболенскому приказала уморить Михаила Глинского голодом… Характер правления принимал кровавый оттенок тирании, возмутительной тем более, что она проявлялась в женщине,

руководимой любовником. Боярская Дума значительно убыла, зато увеличилось число узников и эмигрантов. Брат князя Юрия Андрей, князь старицкий, страшась подвергнуться одинаковой с ним участи, уехал в свой удел, ропща и негодуя на правительницу, о чем услужливые наушники ей исправно доносили. 26 августа 1536 года князь Юрий скончался в темнице, то есть, подобно Михаилу Глинскому, был уморен голодом. Князь Андрей, извещенный об этом, со всем своим семейством бежал из Старицы и, сделав привал в шестидесяти верстах от нее, решился собрать войско и, свергнув правительницу, занять ее место… может быть, даже и место государева племянника. К областным детям боярским он разослал грамоты, призывая их к себе на службу и побуждая свергнуть ненавистное иго боярской Думы: «Великий князь – младенец; не ему, а боярам вы служите!» – говорил Андрей в своих грамотах. Они сделали свое дело: многие из боярских детей приняли сторону мятежника, другие, более предусмотрительные, препроводили возмутительные грамоты в Москву. Правительница приняла решительные меры: в Новгород с сильным гарнизоном был отправлен князь Никита Оболенский, а Иван Федорович Телепнев со своей дружиной пустился в погоню за Андреем, которого и настиг в Тюхоли, за Старой Руссой. Войска встали друг к другу лицом к лицу, приготовились к битве, и в эту самую решительную минуту недавняя отважность князя Андрея сменилась малодушием, он смиренно вступил с Телепневым в переговоры, требуя от него клятвы, что в случае сдачи в плен ему мстить не будут… Клятву эту Телепнев дал ему и привез князя в Москву. Елена, строго выговорив своему любимцу за своевольную дачу клятвы, в противность ей, велела оковать и заключить Андрея, семейство его посадить под стражу, боярских советников немилосердно пытать; наконец, тридцать детей боярских, взявших их сторону, перевешать вдоль по новгородской дороге в далеком расстоянии друг от друга. Полгода томился Андрей в тюрьме, где был тайно удавлен по повелению той же великодушной Елены Глинской. Современница Франциска I, Генриха VIII, Карла V и Сулеймана II, она, хотя и слабая женщина, не уступала им в жестокосердии…

Но самое это жестокосердие и совершенное отсутствие сострадания к ближним не мешали Елене Глинской быть нежной, детски уступчивой и женственно-сладострастной в объятиях князя Телепнева… В них находила она самый приличный для себя отдых от казней и злодейств.

Ужасая дворянство и народ своими жестокостями, явными и тайными, возбуждая в них справедливое негодование своим распутством, наша литовско-русская Мессалина выказывала

много ума и такта во внешних сношениях с соседними державами. Она подтвердила дружественные договоры России со Швецией, Ливонией, Молдавией, царством Астраханским и князьями ногайскими; в последний год своего правления сносилась дружественно с императором Карлом V и братом его Фердинандом, королем венгерским и богемским; вела успешные войны с Крымом и Литвой (1534). Подвиги наших воевод Пупкова, Гатева, Немирова, Лавина, Кашина, князей Федора Мезецкого и Никиты Оболенского не могут быть забыты историей, а нашествие князя Телепнева на Литву (в октябре и ноябре 1534 года) снискало и ему если репутацию не даровитого полководца, то, по крайней мере, отличного резаки, зажигателя и грабителя. Говорим это ему не в упрек: бесполезная резня, пожар, грабеж и насилие были неизменными спутниками войн не только в XVI столетии, но и гораздо, гораздо позже. Князь Телепнев, как бы желая оправдать избыток милостей к себе Елены Глинской, принимает также деятельное участие и в последующих наших войнах с литовцами и крымцами. 29 августа 1535 года отличился брат временщика Федор Телепнев при осаде литовцами Стародуба, хотя и попал в плен с князем Сицким. Этот плен послужил на пользу Литве и России при заключении между ними перемирия в 1537 году.

Пользуясь неограниченным расположением правительницы, князь Телепнев-Оболенский главенствовал в правлении и, как человек предусмотрительный, вкрался в доверие к юному царевичу Ивану и снискал его любовь и искреннюю приязнь. На дворян и бояр он смотрел с пренебрежением, издеваясь над их бессильным гневом, горделиво попирая ногами тех из них, которые перед ним пресмыкались. Народ возненавидел и его и Елену; последняя, желая ханжеством воротить себе утраченную любовь народную и задобрить общественное мнение, строила храмы, ездила по монастырям… но этим лицемерием она возбуждала к себе только пущее презрение. Князь Телепнев, надменный с боярами, не имел настолько такта, чтобы прилично держать себя в отношении Елены: постоянно сопутствуя ей в ее разъездах по обителям, он останавливался в одних с нею покоях, садился в одну колымагу, даже при богослужении становился рядом с ней; малолетнего царя Ивана и царевича Юрия ласкал, как добрый вотчим ласкает пасынков. Место правителя царства, которое князь Иван Федорович занимал при жизни Елены Глинской, по его мнению, было упрочено за ним и в случае ее смерти. Задобрить народ – не велика хитрость; бояре, которые теперь тише воды ниже травы, тогда не осмелятся вымолвить слово, тем более что царь подрастает и первым по нем, конечно,

пребудет князь Оболенский.

Расчеты временщика оказались однако же воздушными замками. Заслужить любовь войска – он ее заслужит; задобрить народ – он мог бы его задобрить… но он ошибся в суждениях о боярах; он позабыл, что согнутая олигархия в случае переворота тем стремительнее воспрянет, чем более он теперь ее гнет.

Третьего апреля 1538 года правительница проснулась в свой обычный час, занималась делами, была свежа, как весеннее утро, и не жаловалась ни на скуку, ни на нездоровье. В первом часу полудня ей сделалось дурно: дышавшее молодостью и красотой лицо исказилось, дрожь и судороги начали пробегать по стройному ее телу и через час, невзирая на помощь врачей, она скончалась – *от яду,* как справедливо замечает Герберштейн.[1] Пораженный ужасом, князь Телепнев, его сестра боярыня Аграфена Челяднина и восьмилетний царь Иван Васильевич, рыдая, стояли у смертного одра правительницы, и вопли их глухо и безответно раздавались под сводами царской опочивальни… Бояре молчали, не высказывая ни жалости к покойнице, ни уважения к ее сыну, ни недавнего страха к ее любимцу. Елену, в самый день смерти, похоронили в Вознесенском девичьем монастыре; в течение недели глубокое безмолвие и затишье, предвещавшее бурю, царило при дворе. Толпы бояр – живые волны, готовые поглотить временщика, а с ним вместе, может быть, и царя-отрока, извергли наконец из своей пучины боярина Василия Васильевича Шуйского, потомка князей суздальских, бывшего членом совета еще при покойном супруге Елены Глинской и подозреваемого в ее отравлении. Он объявил себя правителем царства и опекуном царя Ивана и начал свое правление тем, что велел заковать князя Телепнева и сестру его, Челяднину: ни того, ни другую не спасли от насилия даже объятия державного отрока, из которых их исторгли; Шуйский не обратил внимания ни на слезы, ни на мольбы царя Ивана… Это был не арест, но прямой разбой и самое неуважительное к царю бесчинство. Боярыня Челяднина была пострижена в монахини в отдаленном каргопольском монастыре; князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского уморили голодом. Адские муки этой смерти, испытанные четыре года тому назад его жертвами Михаилом Глинским и князем Юрием Ивановичем, суждено было изведать ему самому. Василий и Иван Шуйские встали во главе правительства; вместо одного временщика их явилось двое, и вдвое хуже прежнего стало Думе, государству и самому царю. В угоду родственнику Ивана, князю Димитрию Федоровичу Бельскому, временщики, освободив из темницы брата его Ивана, допустили его к занятию прежней должности в Думе. Василий

Шуйский, желая упрочить за собой место правителя, будучи вдов, имея более пятидесяти лет от роду, женился на молоденькой княжне Анастасии, дочери казанского царевича Петра, в полной уверенности, что его своевольству не будет ни конца, ни предела. К счастью для царства, Василий Шуйский властвовал только шесть месяцев и умер, вероятно отравленный, в октябре того же 1538 года. Это полугодие было ознаменовано подвигами наглости беспримерной и совершенного забвения законов Божеских и человеческих. Князь Иван Бельский, митрополит Даниил и дворецкий Михаил Тучков вместе с другими вельможами, негодуя на временщиков, решились ослабить их власть в пользу законной, царской. Иван Бельский непосредственно просил царя дать чин боярина князю Булгакову-Голицыну и сан окольничьего сыну Хабара Симского. Узнав об этом, Шуйские на первом же заседании боярской Думы напустились на Бельского с укоризнами и бранью, упрекая в неблагодарности. Как бы в подтверждение справедливости этих упреков братья Шуйские опять заточили Ивана Бельского в темницу, приверженцев его разослали по деревням, а дьяку Федору Мишурину после жестоких пыток отрубили голову! Все эти приговоры были утверждены Шуйскими и Думой без ведома царя Ивана, даже не его именем. Этими подвигами Василий Шуйский закончил свое земное поприще – умер, как мы говорили, передав присвоенную самодержавную власть брату своему Ивану. Продолжая мстить врагам своим, новый глава царства, превращенного в олигархическую республику, свергнул митрополита Даниила, заменив его игуменом Троицко-Сергиевской лавры Иосифом Скрыпицыным. Груб и нагл был Василий Шуйский, но Иван его превзошел, являя в своей гнусной особе даже тип не временщика, а просто чванливого холопа, грабящего малолетнего барина и еще хвалящегося своим нахальством. Иван Шуйский, входя в опочивальню царя Ивана, никогда не стоял перед ним, а садился, облокачиваясь на постель или закидывая ноги на ближайшую скамью, грабил казну и народ без зазрения совести, в наместники назначал своих клевретов, давая им право творить что им ни заблагорассудится… Так, князь Андрей Михайлович Шуйский и князь Василий Репнин-Оболенский ограбили Псков дотла, не хуже набеглых татар былого времени. Внутренняя неурядица не могла не привлечь в русские пределы наших давнишних врагов – татар, крымских и казанских. Саип-Гирей, хан крымский, дерзкими грамотами угрожал царю Ивану, издеваясь над его молодостью и бессилием, и Шуйский не постыдился вступить с ним в соглашение, обещая не воевать с царем казанским, его союзником. Пользуясь этим, казанцы вторгались в области

Нижнего, Ба-лахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владимира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки и Перми; выжигали города и села, грабили храмы и монастыри, пытали священников, насиловали монахинь, увечили и уводили в неволю жителей… А дума боярская молчала и, по собственному выражению, «не двигала ни волоса» для отражения союзников разбойника Саип-Гирея. В сношениях с европейскими державами достоинство царства русского унижено не было, но мог ли утешаться этим народ-страдалец, из-под рук малолетнего царя угнетаемый злодеем-правителем…

В 1540 году в правительстве произошел переворот сравнительно к лучшему: бояре столкнули Ивана Шуйского с высокого занимаемого места. Митрополит Иоасаф со многими боярами после ходатайства перед юным царем за Ивана Бельского царским именем освободили узника из темницы и посадили на место, прежде им занимаемое в Думе. Воображая, что царь променяет на него всю партию недовольных, желая устрашить его, Иван Шуйский с того же дня, оставив все дела, удалился из Думы… Его никто не удерживал, и, таким образом, партия Бельских торжествовала. Внезапное свое возвышение (чтобы не сказать, воцарение) Бельский ознаменовал многими благодетельными преобразованиями. Уволив Андрея Шуйского, грабителя и обидчика, от должности наместника в Пскове, он восстановил в этом древнем городе суд присяжных, или *целовальников,* решавший дела независимо от воли наместника; освободил царского двоюродного брата, Владимира Андреевича, вместе с его матерью, заключенных еще Еленой Глинской; облегчил тяжкую участь другого полудержавного узника, Дмитрия Андреевича Углицкого, внука Василия Темного. Эти истинно добрые дела Иван Бельский затмил однако же ходатайством своим за своего брата Симеона, беглеца и переметчика. Симеон не воспользовался, впрочем, прощением русского царя, предпочитая возврату на родину позорное служение в рядах крымского хана Саип-Гирея, угрожавшего вторжением в наши пределы, приглашая к себе в союзники и царя казанского. Нашествие произошло летом 1541 года. Саип-Гирей, с изменником Симеоном Бельским и бесчисленной ратью, перешел Дон и 28 июля осадил Зарайск, от которого был отражен воеводой Назаром Глебовым. Русские дружины, расположенные на берегах Оки, поджидали неприятеля; в Москве происходили молебствия о даровании нам победы; одиннадцатилетний царь Иван объявил боярской Думе о намерении своем встать во главе своих воинов, однако же уступил благоразумным советам митрополита и остался в Москве, приведенной в оборонительное

положение и готовившейся к осаде. Небывалое единодушие господствовало в дружинах царских: воеводы, позабыв свое местничество, распри и личные расчеты, дали друг другу слово крепко постоять за царя и утвердили договоры клятвою и крестным целованием. 30 июля хан показался на берегах Оки и занял нагорья; луговой берег защищен был передовыми дружинами князей Ивана Турунтая-Пронского и Василия Охлебина-Ярославского. Они с помощью подоспевших запасных полков отразили крымцев, принудив их отказаться от переправы и искать спасения в бегстве. После трехдневной неудачной осады Пронска (с 3 по 6 августа) Саип-Гирей бежал окончательно из пределов царства русского, гонимый нашими воеводами.

Когда мужественные дружины возвратились в Москву, столица встретила их с почестями, царь, заливаясь слезами, благодарил воевод, на что они отвечали ему:

– Государь, мы одолели врага твоими *ангельскими* молитвами и твоим счастьем!

Недавнее бедствие, угрожавшее царству, смирило гордецов, сблизило соперников и в сердцах бояр-крамольников пробудило чувства любви к царю и родине… Это благодатное настроение умов было однако же непродолжительно: крута гора, да забывчива!

Вознесенный боярами по милости доброхотствовавшего ему митрополита, Иван Бельский не только пощадил соперника своего Шуйского, но даже дал ему воеводство – в надежде окончательно победить его великодушием. Дорого поплатился Бельский за эту ошибку. Пользуясь мягкосердием Бельского и его благородным доверием, Иван Шуйский составил заговор к низвержению его и митрополита. Сторону крамольника приняли князья Кубенские (Михаил и Иван), Димитрий Палецкий и казначей Третьяков; к ним вскоре присоединились многие бояре в Москве и других областях, особенно в Новгороде. Начальствуя войсками, Шуйскому нетрудно было и их привлечь к себе. Отделив триста всадников, злодей прислал их в Москву вместе со своим сыном Петром в помощь своим клевретам на случай восстания. Бунт вспыхнул в Кремле в ночь на 3 января 1542 года. Вторгнувшиеся в дом Ивана Бельского заговорщики захватили его и преданных ему Хабарова и князя Щенятева; градом камней осыпали окна дома митрополитова и едва не умертвили Иоасафа, бежавшего в Троицкое подворье, оттуда во дворец, к царю Ивану… Отрок, пробужденный воплями мятежников и стуком оружия, заливаясь слезами, дрожал всем телом! Бояре ворвались в царские покои, схватили Иоасафа и отправили в ссылку в Кириллов белорусский монастырь, велели священникам храмов

кремлевских за три часа до света служить заутреню, всполошили весь город – от царя до последнего нищего. На рассвете Иван Шуйский, прибыв из Владимира и заняв прежнее место правителя, стал немедленно чинить суд и расправу: князя Ивана Бельского сослал на Белоозеро, Щенятева в Ярославль, Хабарова в Тверь. Чутко прислушиваясь к народному говору, временщик услышал сетования об участи Бельского; опасаясь движения в его пользу, Шуйский послал в Белоозеро трех убийц покончить с ним, и с Бельским *покончили…*

Дума боярская безмолвствовала, покорная Шуйскому; церковь два месяца оставалась без архипастыря, еще не избранного на место Иоасафа; выбор Шуйского пал наконец на преданного ему архиепископа новгородского Макария. На воеводства, как и в прежнее время, посажены были клевреты и приверженцы

Шуйского; опять пошли грабежи, притеснения народа – словом, царило безначалие, но вместе с тем занималась и заря перемены в правлении. Временщик дряхлел, а царь Иван Васильевич из отрока становился юношей. Первый удалился от дел, сдав их на попечение своим родственникам, Шуйским же: Ивану и Андрею Михайловичам и Федору Ивановичу Скопину. Иной умирающий временщик напоминает гидру, на место одной отрубленной своей головы порождающую десять новых; так, вместо одного Шуйского явилось их трое. Возникла партия недовольных, душой которой был советник Думы Федор Семенович Воронцов, любимый царем и ненавидимый Шуйскими. С ним они обошлись точно так же, как Иван Шуйский с Бельским. На одном из заседаний Думы в присутствии царя и митрополита крамольники, поддерживаемые Кубенскими, Палецким, Шкурлятевым, Пронскими и Алексеем Басмановым, стали в глаза Воронцову возводить на него оскорбительные небылицы и после жестокого спора с площадной бранью бросились на него, поволокли в соседнюю комнату и там хотели умертвить. Царю едва удалось вымолить ему пощаду, тогда Шуйские приказали стащить его в темницу. Царь послал к ним бояр и митрополита *просить* оставить Воронцова на службе в Москве. Крамольники отвечали грубостями, отказом, а один из их клевретов, Фома Головин, заспорив с митрополитом, порвал на нем мантию! Эти безобразия переполнили чашу терпения в тринадцатилетнем Иване и зажгли в его сердце ту неугасимую ненависть к олигархам, которую впоследствии не в состоянии были залить целые реки боярской крови. Возросший на руках разврата, Иван Васильевич с самых юных лет обнаруживал порочные наклонности и дикую лютость. Забава охотой развила в нем

равнодушие к страданиям живых существ, вид крови производил на него сладостное впечатление. Льстецы хвалили его за шалости, за которые всякий умный наставник строго взыскивает с питомца, кто бы он ни был. Царь истязал щенков, котят, наслаждаясь их визгом, а хор придворной челяди хвалил его изобретательность на муки; царь, разъезжая верхом по московским улицам, топтал под копытами своего коня детей и женщин, и те же бояре славили его молодечество, не понимая, что молодой тигр пробует и острит свои когти, чтобы впоследствии лучше терзать тех же льстецов, недальновидных пестунов и потатчиков. Так развивалось сердце Ивана Васильевича; об образовании его ума, от природы обширного, не говорим: невежество, в котором умышленно заставляли его коснеть крамольники, было их надежным союзником во всех кознях и происках.

От партии боярской мало-помалу стали отделяться приверженцы единодержавия. Дяди царя, Глинские, Юрий и Михаил Васильевичи, непрестанно внушали племяннику, что пришла ему пора объявить себя самодержцем, свергнуть иго боярское и с себя, и с угнетаемого народа, что вся Русь ждет его призывного клика, чтобы восстать на временщиков и разнести их в прах. Советы эти не пропали даром. На Рождество 1543 года, именно 29 декабря, был пир во дворце, на котором присутствовали вельможи и бояре. Здесь царь Иван Васильевич объявил им свой гнев и исчислил все их проступки против него и царства, в заключение приказал казнить, по его мнению, виноватейшего из всех – Андрея Шуйского. Его в ту же минуту вывели из царских покоев и отдали на растерзание псарям. Эта первая жертва ярости царя Ивана была с восторгом принята озлобленным народом. Затем всех клевретов Шуйских разослали по отдаленным местам, заточили в темницы; Афанасию Бутурлину урезали язык; временщикам именем царя объявлена опала.

Стоя укрепленным лагерем под Коломной, царь, тешась охотой, был остановлен пятьюдесятью новгородскими пищальниками, желавшими принести ему какую-то жалобу; он приказал их разогнать – они заупрямились; приближенные царя употребили силу, десять человек легло на месте. В этом Иван Васильевич заподозрил заговор и поручил дьяку Василию Захарову расследовать дело. Захаров, приверженец Глинских, сообщил царю, что новгородцев к мятежу подстрекнули князь Кубенский, Федор и Василий Воронцовы. Не разобрав, действительно ли они виноваты, царь приказал казнить их, и 21 июля 1546 года все трое были обезглавлены. Побуждая царя к жестокостям, Глинские

нимало не заботились (хотя и говорили) об утверждении единовластия; они свергли Шуйских затем, чтобы занять их место.

Летом 1546 года, под предлогом ближайшего ознакомления с бытом народным, царь ездил с огромной свитой и братьями своими: родным – Юрием Васильевичем и двоюродным – Владимиром Андреевичем, – по разным областям своего царства. Эта прогулка окончательно разорила посещенные Иваном Васильевичем области, отняв у жителей последние крохи; для охоты вырубали леса, вытаптывали нивы, потравляли луга… Видел народ, что хотя бояре и угомонились, да царь-то не больно о нем радеет и на тоску и нужду народную рукой махнул. Самые терпеливые упали духом и перестали ждать себе добра, даже и от новых порядков. Царю исполнилось шестнадцать лет 25 августа 1546 года. В середине декабря, по совещании с митрополитом, он объявил боярам о намерении своем приступить к обряду священного коронования на царство и вместе с тем вступить в брачный союз, но не с иноземкой, а с девицей из русского боярского рода, так как, «в младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, мог не сойтись нравом с женой иной страны». 16 января 1547 года Иван Васильевич венчался *царским* венцом в Успенском соборе с пышностью и торжеством невиданными; а 13 февраля венчался венцом брачным с дочерью вдовы Захарьиной – кроткой, благочестивой Анастасией Романовной. После пиров и ликования новобрачные ходили в Троицко-Сергиевскую лавру, где провели всю первую неделю поста, молясь над гробом св. Сергия.

Однако же ни молитвы в стенах монастырских, ни беседы с пастырями, ни кроткие убеждения супруги не смягчали ожесточенного сердца юного государя. Тяготясь делами, он жаждал праздности и забав, власть свою проявлял не в милостях, а в жестокостях, бояр ненавидел, но слушался Глинских, которые, пользуясь родством с государем, безнаказанно угнетали народ и своевольничали не хуже Шуйских. Челобитчиков до царя не допускали; если же бывали смельчаки, дерзавшие на притеснения, царь жестоко их наказывал, называя мятежниками. Бояре молчали, целые сотни шутов и скоморохов забавляли царя своими глупыми играми, а льстецы восхваляли его мудрость. Кроткая Анастасия, видя, что она бессильна в великом деле правления царя, молилась Богу, чтобы он просветил Ивана Васильевича и смягчил его ожесточенное сердце.

Пожар Москвы озарил царю ту бездну пороков, в которой он утопал; железное его сердце размягчилось при виде пламени, расплавившего колокола столичных церквей и добела

раскалившего их златокованые главы.

12 апреля 1547 года вспыхнул пожар в Китай-городе, истребивший в несколько часов тамошние лавки, казенные гостиные дворы и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и Москвы-реки. Взлетел на воздух пороховой магазин и вместе с рухнувшей городской стеной обломками запрудил реку. Через неделю огонь обратил в пепел все улицы за Яузой, населенные гончарами и кожевниками. Оба эти пожара были предтечами третьего – страшнейшего и, по сказаниям летописей, беспримерного.[2] В полдень 21 июня при сильной буре и жестоком вихре начался пожар за Неглинной, на Арбатской улице, в церкви Воздвижения. Рекой разливаясь по улицам, огонь достиг Кремля, Китай-города и Большого Посада. Вся Москва превратилась в костер, пылавший под тучами густого удушливого дыма. Деревянные дома обращались в золу, каменные распадались в известь, железо рдело, колокольная медь таяла и лилась, как воск. С ревом бури сливались отчаянные вопли народа, грохот пороховых взрывов и клокотание неукротимого пламени, пожиравшего царские палаты, казну, сокровища, оружие, иконы, хартии, книги, гробы с мощами святых. Митрополит, страшно изувеченный, едва мог выбежать из успенского собора и был отвезен в Новоспасский монастырь. Пожар утих к трем часам ночи по недостатку дальнейшей для себя пищи! До двух тысяч человек, кроме младенцев, погибло в пламени, и на месте Москвы лежали груды дымящихся развалин. Царь со своим семейством оставался на Воробьевых горах, откуда ему видно было зарево, но куда не достигали стоны погорельцев. Пользуясь скорбным и раздраженным состоянием духа в народе, царский духовник Федор, князь Скопин-Шуйский, боярин Федоров, князь Темкин, Нагой и дядя царицы, Григорий Юрьевич Захарьин, желая свергнуть ненавистных Глинских, подстрекнули народ к мятежу. Когда на другой день пожара царь посетил митрополита в монастыре Новоспасском, туда явился Скопин-Шуйский с сообщниками и объявил царю, что Москва сгорела от злодеев. Царь поручил боярам произвести следствие, и через два дня на их вопрос народу, созванному на площади: кто сжег Москву? – тысячи голосов отвечали: «Глинские. Их мать, государева бабка княгиня Анна, кропила улицы водой, в которой мочила сердца мертвецов!»

Княгиня Анна с сыном своим Михаилом находилась тогда в своем ржевском поместье, но другой ее сын, Юрий, был на улице, и на него ринулись разъяренные жители Москвы. Они убили его в Успенском соборе, разграбили все его имущество и не пощадили ни бояр его, ни слуг! На месте недавнего пожарища пылал бунт со

всеми своими ужасами… Подстрекатели сами ужаснулись ярости народной, так безрассудно разожженной ими. Царь бежал в свой дворец на Воробьевых горах, страшась за участь свою и своего семейства.

В эти критические минуты к Ивану Васильевичу, будто посланник Божий и глашатай совести царской, явился простой священник Сильвестр с книгой Священного Писания в руках, речью смелой и строгой. Князь Курбский в своих воспоминаниях упоминает о каких-то видениях, которыми Сильвестр будто бы ужаснул и образумил царя Ивана Васильевича, но эта фантастическая прикраса не заслуживает внимания истории. Никакие видения не могли так ужаснуть царя, как зрелище недавнего пожара; никакие призраки не могли говорить ему так внушительно, как говорил Сильвестр, или, вернее, как устами Сильвестра говорили ему собственная совесть, здравый смысл и Божия правда. Сильвестр шаг за шагом проследил всю жизнь царя от его сиротской колыбели до данной минуты, угрожавшей ему могилой; он пробудил в Иване Васильевиче чувство долга и сознания истинного назначения царя – быть отцом народа, а не мучителем его.

Сподвижниками Сильвестра явились Алексей Федорович Адашев и царица Анастасия. В пожаре московском, как в адском пламени, вместе с окончившимся владычеством временщиков сгорели порочные наклонности царя Ивана. Он переродился, он воскрес для новой, счастливой жизни, для славы и счастья царства русского.

Тринадцать лет благоденствовала Россия. Начало этой эпохи в сумраке веков озарено пламенем московского пожара, а конец ее – надгробными свечами над трупом царицы Анастасии Романовны. В следующей части нашего труда мы увидим Ивана Васильевича, но уже далеко не таковым, каким теперь оставим его.

notes

Примечания

1

Rer. Moskovit. Comm. 80

2

Пожар 1812 года, в сравнении с ним, то же, что ручей в сравнении с рекой.